

Новая газ. - 2003. - 23-25 июля. - с. 16-18.

Принято считать, что явление и понятие «литературный проект» появилось у нас только сейчас. И все это оправдывается требованиями рынка, вкусами читателей и прочими внелитературными обстоятельствами. Но все же ошибочно считать это явление чем-то новым в русской (да и в мировой) литературе. Вспомним хотя бы нашего Козьму Пруtkова. Уже не говоря о Шекспире, который, судя по всему, — вообще самый удачный литературный проект в истории. Но и в XX веке дан пример проекта столь грандиозного по масштабам творческого результата, по протяженности во времени, по всемирности признания, что он увенчался не чем иным, как Нобелевской премией...

Читатель конечно же догадался, что речь идет о Шолохове Михаиле Александровиче. И набивших оскомину спорах на тему: «Сам он писал или кто-то другой постарался?».

Известно, что тщательно проведенный компьютерный анализ якобы доказал авторство Шолохова. Но ни один компьютер не способен на то, на что способен живой человек — на живой же филологический, текстологический, литературоведческий и, наконец, личностный анализ. Плюс способность исследовать исторический контекст

А был ли автор?

Я хочу рассказать о новой версии. А потому пару слов об авторе. Его имя Зеев Бар-Селла. Тридцать с лишним лет назад я знал его как Володю Назарова. Весьма амбициозного молодого лингвиста, который свои первые статьи, посвященные древнегреческим текстам, опубликовал в журнале АН СССР еще будучи школьником. Его первая книга по северокавказским языкам была выпущена им в 26 лет, но пошла под нож, поскольку ее выход совпал с отъездом автора на историческую родину его матери. И еще немаловажная деталь: по отцу он — дальний родственник генерала Назарова, избранного донским атаманом после самоубийства Каледина...

В письме ко мне Зеев так описал начало своей работы: «Тихим Доном» я занялся, приняв в качестве рабочей гипотезы, что автор романа — это Шолохов. Задача, которую я перед собой ставил, была чисто академическая: можно ли, не имея уличающих документов, доказать наличие или отсутствие плагиата?»

Иными словами: может ли сам литературный текст служить уликой в споре об определении авторства?

Мой ответ — положительный: может! Потому что каждое произведение литературы несет в себе не только неизгладимые черты личности автора (биографические моменты, круг чтения), но и времени, в которое оно было написано. Это было ясно и до меня... научная совесть чиста — к роману и Шолохову я подошел непредвзято, а к выводу, что Шолохов — вор, меня привели факты».

Вскоре в Москве должна выйти итоговая книга Бар-Селлы по шолоховскому вопросу, и я с разрешения автора хотел бы заранее подготовить широкую читателя к той информации, которую он из нее получит.

Коротко ее вывод таков. Шолохов ничего не крал, как предполагают некоторые его противники. Но он почти ничего и не писал. Точнее, не писал в общепринятом смысле этого слова. А именно: не задумывал, не составлял планы, не промоздил черновики, не марал рукописи бес-

конечной правкой в поисках единственно верного слова. Да и следов этой работы не осталось. А ведь жил он не в Древней Греции, а сейчас, когда все просто заполнено архивами и все, вопреки советам Пастернака, только и делают, что трясутся над рукописями.

А тут — ноль, зеро. Ни черновиков, ни дневников, ни рецензий, ни застольий. Я имею в виду не всем известное пьянство Шолохова, а то повсеместное сидение литераторов и вообще художников в разговорах о высоком, которое для них — просто экологическая среда обитания.

Впрочем, есть один документ — выступление на Втором съезде писателей. На печатном экземпляре речи Шолохова стоит следующая надпись: «Л.Ф. Ильичеву, дорогому другу и автору сей речуги, — с поклоном и благодарностью. М. Шолохов. P.S. Аплодисменты — пополам: мне, как исполнителю, тебе — как автору. М.Ш.». Получается, что Шолохову нечего было сказать даже на собрании коллег? Но и наедине ведь — тоже. Бар-Селла приводит замечательный пример из воспоминаний писателя Виталия Закруткина, как тот безуспешно пытался раскрыть Шолохова на разговоры о литературе, а тот отмолчался.

Ну хорошо. Споры-то идут вокруг «Тихого Дона». А остальное? Но там тоже все темно, неясно, опутано какой-то странной таинственностью. И чем дальше, тем больше понимаешь, что затворничество Шолохова в Вешенской было совсем не таким, как затворничество Вольтера или Фолкнера.

Не пора ли с этим разобраться? Так вот эту задачу и решил Зеев Бар-Селла в упомянутой книге. Названа она «Литературный котлован». Почему? Поймете, прочитав этот текст до конца.

А первое, что читатель узнает, — что замысел этого проекта возник еще в начале 20-х годов в недрах Объединенного государственного политического управления СССР (ОГПУ)...

Чрезвычайно культурная комиссия

Почему именно в это время и почему ОГПУ? — возник-

Андрей Платонов

ОНИ ЗА

Самый грандиозный литературный проект XX века

кает закономерный вопрос. Автор исходит из верной посылки, что к началу 20-х гг. наступил глубокий кризис затейной революции. Военное наступление после польской катастрофы остановилось окончательно. Экономическая катастрофа и продразверстка превратили «молодую республику Советов» в смертельно опасный политический кризис. Восстали Кронштадт, Тамбов, Семиречье и проч. Последним усилием Ленин сумел вывернуться из политического и экономического кризиса, введя нэп.

Но ведь у революции были еще и весьма амбициозные культурные планы. А именно: пробудить невиданную творческую активность народных масс в той области, где до сих пор главенствовали выходцы из эксплуататорских классов. Эту мечту лучше всего выразил главный поэт революции В.В. Маяковский: «Сидит папаша — // Каждый хитрит. // Землю понашит, // Попишет стихи». Беда только, что все, кто умел писать нечто художественное, сплошь оказывались из старых правящих классов. Усилия специально созданного Пролеткульта пропадали втуне, тем более что сам Пролеткульт состоял из одних бывших интеллигентов.

За что боролись? Так что в воздухе просто витал некий социальный заказ на гения из народа. Чем должен заниматься этот гений? В полном соответствии с национальной традицией он должен создавать именно в литературе не что иное, как социалистический аналог «Войны и мира».

Грубо говоря, нужен автор и нужен текст.

А если они вместе никак не появляются?..

И тут на сцену выходит ВЧК, точнее уже ОГПУ. Еще раз — почему?

Кровавая слава большевистской политической полиции не должна затемнять тот факт, что в ней работало огромное количество людей интеллигентных, культурных, образованных.

А потому становится понятно, почему именно в ЧК сумели найти и оценить в ее подлинном значении рукопись ими же расстрелянного литератора. Да, явные симпатии к проклятым казакам, явно белогвардеец, но — какая литература. Мир перед

войной, войны — одна за другой — во всей их требуемой эпичности. Ради этого можно кое-что и простить в идеологическом плане. Особенно если немного поработать и... правильно — подобрать классово выдержанного автора, то результат можно сравнить со штурмом Перекопа.

Большевики тех лет были люди дела. А потому в строжайшей тайне был выношен, проработан и с полным блеском осуществлен грандиозный литературный проект. И если бы только его реализаторы могли знать, что он увенчается самой высшей в мире, но глубоко буржуазной Нобелевской премией!

Но ведь эта премия, по сути, выдала тайный смысл подлинного романа: «произведение идеалистического направления», как сформулировано в завещании Альфреда Нобеля требование к награждаемому литературным произведением.

И Бар-Селла в своем исследовании детально и доказательно восстанавливает подлинную картину рождения, разработки и реализации этого проекта. Как искали автора, почему выбор пал именно на 18-летнего Шолохова. Кто и как работал над текстом, редактируя и дописывая недостающие фрагменты не доведенного до конца романа, и так далее.

Фантом автора

Сомнения в авторстве странного «участника литературного процесса» по имени Шолохов возникли сразу же. Не исчезали они и все последующее время. И главный вопрос был: так кто же подлинный автор? В обществе гуляла некая байка, будто Шолохов каким-то образом спер рукопись у некоего больного писателя; и поскольку тот помер, то присвоил рукопись себе, трудолюбиво перепечатав ее впоследствии на машинке без восклицательного знака.

Но юный продармеец Шолохов все-таки не Лермонтов и не Гуго фон Гофмансталь, чтобы в 14—15 лет так разбираться в литературе и понять, что лежит под матрасом умирающего литератора и что с этим можно сделать.

Преподаватели Вешенской ШКМ в 1932/33 учебном году. Вторым слева стоит Константин Каргин

Но все-таки кто этот неизвестный? А.И. Солженицын придерживается версии об авторстве Федора Крюкова.

Бар-Селла отверг эту версию чисто литературоведческими аргументами и задал себе задачу, сама формулировка которой вызывает восхищение. Вот ее основные вопросы:

1. По стилистике подлинного текста автор явно пост-символист и близок к акмеизму. Следовательно, он должен быть их ровесником, а эти последние родились вокруг 1890 года. Значит, надо

станции Филоновской в зажиточной казачьей семье (глава которой даже выслужил дворянство), получивший образование в Московском университете.

С 1908 года этот человек занимается профессиональной литературной деятельностью, редактирует одну из донских газет. Оставил после себя более тысячи публикаций, в том числе один роман — «Кровавая слава» (1911) и биографическую книжку «Генерал Корнилов». Работает в Петербурге. Пишет статью, посвященную Бунину, под названием «Внук Тургенева»... В 1913 году начинает чисто любовный роман про роковой треугольник Сте-

— результат деятельности проектантов. И второе — к счастью для авторов проекта, Севский, считая, видимо, роман неоконченным, так и не предпринял ни одной попытки публикации хотя бы первых его частей.

Но как же тогда «Поднятая целина» и «Они сражались за Родину»?

Почерк литературного преступления

Авторы проекта и те, кто поддерживал его функционирование следующие полвека, сами

бытие казалось достаточным основанием, чтобы перестать сомневаться в способностях вешенского затворника. А тут и «нобелевка» подоспела.

У Бар-Селлы все это подробно исследовано и прописано, я же вынужден ограничиться намеком. Ритм выхода текстов «Поднятой целины» странным образом коррелирует с судьбой некоего донского же литератора Константина Ивановича Каргина, который во время войны попал в плен, а после предпочел стать «перемещенным лицом», а попросту — изменником Родины, оставшимся на Западе. Но почему-то в 1959 году его «прощают», явно выдают гарантии, и он возвращается. Наказаний никаких, но зато вскоре начинают выходить новые главы «Поднятой целины».

Интересно, не правда ли?..

А что до так и не оконченного романа «Они сражались за Родину», то читателей и вообще всю общественность ждет сенсация. Чуть

Лопахин ассоциируется с ключевой фразой: «Я купил!». Поприщенко — это явно Поприщин, «Записки сумасшедшего».

Перечитайте — какой получился «акrostих» в прозе? Кто на такое способен?

Только мастер высшего класса, знаток литературы, умеющий шифровать смыслы. А какого мастера такого уровня в то время можно было заставить стать «негром»? Только такого, у которого настолько туго с добыванием хлеба насущного, у которого перекрыты все пути в литературу, у которого плюс к этому серьезнейшие неприятности в семье по части репрессий, что он готов на все. И этому человеку Шолохов по старой и тесной дружбе помогает (по его же словам) освободить сына.

А когда Сталин (скорее всего ничего не знавший об этом «литературном заговоре») мягко так советует Шолохову написать очередную эпопею про идущую войну, к кому он мог обратиться за спасением, коль скоро большая часть покровителей проекта была расстреляна? Только к старому другу, с которым они регулярно пили водку, запершись на кухне в квартире на Тверском бульваре.

Как и в задачке с Севским, под все эти условия подходит только один человек — Андрей Платонов, который почему-то именно в это время становится фронтowym корреспондентом (работа, паек и проч.). И почему-то после его ранней смерти работа над романом прекращается навсегда...

Элиза правит профессора Хиггинса

Сказать, что Шолохов вообще ничего не делал, нельзя. Но «нобелевская» рука видна сразу. Это примерно то же самое, как если бы Элиза Дулитл взялась редактировать тексты профессора Хиггинса, едва начав курс обучения. По этому поводу Бар-Селла иронически замечает, что методика работы над текстом «Тихого Дона» возрождает методы средневековой текстологии. Один из них состоит в различении переписчиков и редакторов единых с виду текстов по диалектным различиям.

Подлинная картина реконструируется примерно следующая. С 1923 года начинается реализация проекта, для которого выбран Шолохов. Но ему всего 18 лет, и он, повторяю, не Лермонтов. За ним нет Московского Императорского университета и бабушки Арсеньевой (в письме одного из руководителей тогдашней литературы прямо написано: «Это хорошо, что у товарища Шолохова нет среднего образования»). А потому дорога к появлению романа прокладывается составлением (не сочинением, а именно составлением) некоей глупо-ушной литературной бригадой на основе фрагментов арестованных рукописей романа отдельных «Донских рассказов». Наличие «чужой руки» в рассказах Бар-Селла доказывает, в частности, тем, что некоторые фабулы немыслимы, поскольку разработаны людьми, не знавшими законов поэтических отточенных в области Войска Донского.

А тем временем назначенный в будущие гении молодой казак снабжается знаменитой отныне пишущей машинкой без восклицательного знака и, дабы не сидеть вовсе без дела и как-то вжиться в текст, а заодно и в

роль писателя, засаживается за перепечатывание данной ему на время рукописи. И вот тут-то и начинаются чудеса в языке.

«Обнаружилось, — пишет Бар-Селла в том же письме, — наличие в романе «параллельных мест» — случаи, когда об одних и тех же событиях или об одних и тех же людях говорится совершенно разными вещами. Например, в одном абзаце о герое говорится одно, а в следующем — прямо противоположное. И таких случаев — десятки! Вывод, который я делаю, следующий: то, что выдается нам за текст романа, — это, на самом деле, механическое воспроизведение черновой (рабочей) рукописи. Автор вносил в текст правку, менял мотивировку событий, но то, от чего автор отказался, мы и сегодня можем прочесть в романе — причем рядом с окончательным вариантом. А это значит, что или автор не понимал собственного текста, или автор романа — не Шолохов.

Оказалось также, что многие ошибки романа вызваны неумением читать рукописный текст, написанный по старой орфографии...»

Вот несколько коротких, но убедительных примеров. Генерал Листницкий дает совет своему сыну, что делать с Аксиньей. Идет совершенно нормальная прямая речь, выдающая человека образованного, из высшего круга, и вдруг: «Предложь ей отступное...». В другом месте уже от автора — профессионала пера: «неслося «ура!», или еще хлеще: «из-под зубов».

В первых изданиях гуляла фраза и вовсе непонятная: «Лошади шли по пояс в грязи». Комментарии нужны?

Непонятным образом появляется в тексте и городок Столыпин, причем в Восточной Пруссии, которого там, естественно, нет и в помине, но зато есть город Сталупенен (Staluponen). То есть откровенно неправильно процитированная чужая рукопись про неизвестный материал.

И последний пример — из описания прошлого деда Гришаки: «участвовал в Отечественной 1812 года войне». Фраза попросту неуклюжа, нарушен естественный порядок слов. Объяснение простое. Когда на самом деле писалась первая книга романа, война 1914 года еще не началась и вся Россия знала только одну Отечественную войну — 1812 года. А с августа 1914-го по 1916 год новая война официально именовалась Второй Отечественной. И, стало быть, потребовалось уже уточнение. И подлинный автор делает его, вписав над строкой цифру. А Шолохов при перепечатке механически сдвигает ее не на то место.

И никто этого не видит и не слышит вот уже 80 лет, словно замороженные.

Продолжать можно долго, но уже ясно, что таким образом Шолохов выступает наиболее полным символом и выражением той псевдокультуры, которая создавалась советской властью на обломках растоптанной и униженной старой культуры. Культуры, потерявшей способность не только видеть, чувствовать и различать, но и желание владеть этими качествами.

Но ясно и другое: основной массив подлинной и гениальной прозы выдержал все насилие и обрел достойную его славу.

Об остальном читайте в книге.

● Николай ЖУРАВЛЕВ

ПИСАЛИ ШОЛОХОВА

Шолохов беседует с журналистами, 1975 г.

искать человека, родившегося в это же время.

2. Он должен быть родом из области Всевеликого войска Донского, поскольку досконально знает жизнь, быт и историю края и народа.

3. Он должен быть хорошо образован.

4. Он должен быть литератором, что-то создавшим и публиковавшим.

5. Он должен любить Тургенева и Бунина, что следует из контекста романа.

6. Он должен быть белогвардейцем, поскольку с очевидностью жизнь красных знает хуже.

7. Он должен быть поклонником генерала Корнилова.

8. К моменту издания романа (и даже еще раньше) его не должно быть ни в живых, ни в эмиграции. То есть вторая крайняя дата его жизни должна быть около 1920—1922 годов.

Подробности поиска и подтверждений — увлекательнейшая часть исследования, пересказывать ее нет смысла. Важен вывод.

Всем этим требованиям отвечает реальный человек, родившийся 10 (22) августа 1891 г. в

пана, Григория и Аксиньи. Но тут вмешивается война, роман и замысел расширяются и изменяются, потом вносят свои коррективы революция и Гражданская война.

Корниловский мотив потом странным образом всплывает в «Поднятой целине».

И, наконец, в 1920 году автора расстреливают красные после взятия Ростова-на-Дону...

Так вот, человека этого звали Вениамин Алексеевич Краснушкин (литературный псевдоним — Виктор Севский). Это человек короткой и настолько яркой судьбы, что о ней я расскажу в одном из ближайших номеров газеты. Сейчас важно отметить, что текстологический и литературоведческий анализ его литературного наследия бесспорно выдает именно его авторство большей части «Тихого Дона». Остается только уточнить два немаловажных обстоятельства: исходный текст романа, написанный Севским, — это первый и второй тома полностью, третий — более половины, четвертый — несколько последних страниц. Остальное

себе задали почти непосильную задачу. Ведь автор такого романа, как «Тихий Дон», если не помрет в расцвете сил, должен что-то писать дальше и желательно не хуже. А тот, на чье имя записали классический текст, на это явно не способен. И репрессировать его нельзя, потому что тогда придется вычеркнуть и роман, составляющий с таким трудом обретенную славу революционной литературы. То есть все пойдет насмарку. Так как же решился

Почерк практически тот же. Каждый, кто интересовался литературной жизнью 50—60-х гг. прошлого века, должен помнить, как нет-нет да всплывал почтительный вопрос: а когда его литературное превосходительство изволят закончить свой второй классический роман, так величаво брошенный на полдороге целых 20 лет назад?

В ответ из Вешенской — гробовое молчание. И вдруг роман стал интенсивно дописываться и благополучно достиг конца. Все облегченно вздохнули. Особенно не очень упорные скептики, которым это со-

ниже я ее все-таки раскрою, а пока приведу лишь один совершенно фантастический пример анализа.

Персонаж по фамилии Звягинцев рассказывает, как в мирной жизни получил от ревнивой жены тарелкой по физиономии и на что ответил: «Что ж вы, Настасья Филипповна!..»

А вскоре появляется другой персонаж по фамилии Лопахин. И появляется он из сада, сначала яблоневое, но потом все-таки из вишневого.

И наконец — некий сержант по фамилии не более и не менее как Поприщенко.

Ни один литератор такого себе позволить не может ни при каких обстоятельствах. Такое даже нельзя объяснить безграмотностью, потому что статистически такое полное внутреннее смысла нагромождение как случайность невозможно. Это — как скромный автопортретик безымянного иконописца в левом нижнем углу Деисусного чина.

А теперь расшифруем. Настасья Филипповна — это «Идиот».